

Стояние на Угре

После громкой победы на Куликовом поле русские княжества еще целое столетие находились в ордынской зависимости, и только события осени 1480 года решительно изменили ситуацию. Два войска сошлись на реке Угре. Когда же сражение было закончено, Россия (именно Россия, уже не Русь, — новое название нашего государства встречается в источниках с XV века) окончательно освободилась от того, что мы привыкли называть монголотатарским игом.

Судьбоносные события 1480 года оценивали и современники, и ученые потомки. Старинные летописцы назвали их светлой бескровной победой, подчеркивая благой способ ее достижения — одоление Ахмата потому и «светлое», что добыто без крови, а главное — привело к концу «темной» и затянувшейся зависимости от ордынских властителей. А уже в новые времена историки, на которых произвел впечатление рассказ о длительном противостоянии двух армий, разделенных неширокой замерзавшей рекой, придумали формулу «Стояние на Угре».

Ушли в сумерки веков спрятанные за этим броским словесным оборотом узлы опасных противоречий, напряжение, связанное с мобилизацией, и собственно военные действия, сами участники многомесячной драмы, их характеры и позиции. Две даты, 1380 и 1480 годы, символизирующие начало и завершение последнего этапа в борьбе за русскую свободу от чужеродной власти, оказались плотно связанными в исторической памяти. И даже в этой «паре» на авансцене всегда оказывается 1380-й: «громокипящая» битва на Непрядве затмевает менее шумную кампанию 1480 года. За Куликовским сражением помимо летописных текстов тянется целый шлейф сочинений (по преимуществу мифологизированных): жития святых, и в частности Сергия

Радонежского, «Задонщина», а прежде всего «Сказание о Мамаевом побоище», прожившее долгую и сложную жизнь в рукописной литературе XVI—XVIII веков. А вот о стоянии на Угре — нет ни одного специального летописного текста. Лишь небольшая главка «Казанской истории» обращала внимание читателей конца XVI и последующих столетий на нашествие Ахмата. Так что события 1480 года явно нуждаются в обстоятельном рассказе.

Секретный договор

Официальный хроникер при московском дворе позже уподобил поход Ахмата на Русь нашествию Батыя. По его мнению, совпали цели: хан собирался «разорити церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же и при Батые было». В этом сравнении, конечно, многое преувеличено. Ордынские правители давно привыкли к регулярному сбору дани, и разовое опустошение Руси просто не могло стать для них серьезной целью. И все же в глубинном ощущении масштабов угрозы летописец прав. Готовившаяся кампания стояла в ряду пагубных для страны длительных завоевательных походов, а не привычных в XV веке полуразбойничьих скоротечных набегов. И представлялась она еще более опасной оттого, что ожидалось противостояние сразу двум союзным государствам. Вряд ли уже ранней весной 1480 года в Москве знали о деталях секретного договора, заключенного между Большой Ордой и Литвой, но не сомневались в факте его существования. Ведали советники Ивана III о непривычно длительном пребывании польско-литовского короля Казимира в литовской части владений — с осени 1479 по лето 1480 года (его функции по управлению княжеством как будто не требовали столь долгой задержки там). Получены были также известия об отправке казимирова посла в Большую Орду и, скорее всего, о королевском намерении нанять в Польше несколько тысяч конников. Наконец, в Москве твердо знали о взаимоотношениях короля с мятежными удельными князьями — братьями Ивана, обиженными его притеснениями и «несправедливостью» при распределении покоренных новгородских земель.

Не составлял секрета и военный потенциал самого Ахмата. В источниках о нем нет точных статистических данных, но простое перечисление принцев чингисхановой крови, отправившихся с ханом в поход, впечатляет — около десятка. Согласно восточным хроникам, силы Большой Орды достигали 100 тысяч воинов, а в середине 1470-х годов ханские послы в Венеции обещали по случаю выставить против Османской империи и 200-тысячную армию.

Великий князь Московский Иван III Васильевич (1440—1505) включил в состав единого Российского государства Ярославль, Новгород, Тверь, Вятку, Пермь

Суть же и серьезность великодержавных претензий ордынца хорошо уловима в его послании к турецкому султану (1476 год). Двумя словами он приравнивает себя к «светлейшему падишаху», именуя его «своим братом». Тремя — определяет свой статус: «единственный» из Чингисхановых детей, то есть обладатель исключительного права на земли и народы, когда-то покоренные великим завоевателем. Конечно, реальный запрос Ахмата был скромнее — он претендовал фактически лишь на наследие Золотой Орды. Но разве и это не тяжелейшая задача? И ведь он начал ее осуществлять. В июле 1476 года его посол в Москве потребовал приезда Ивана III «к царю в Орду», что означало намерение Ахмата вернуться к самым жестким формам политического подчинения Руси: **улусник должен лично бить челом о ханской милости, а тот волен жаловать (или не жаловать) его ярлыком на великое княжение.** И конечно, подразумевался возврат к уплате большой дани. Московский князь проигнорировал требование ехать лично, отправив в Орду посла, а намерения татарского правителя стали ему отныне совершенно понятны.

Позднее, в том же 1476 году, Ахмат захватывает Крым и сажает на трон своего племянника Джанибека, а традиционную династию, Гиреев, смещает. Вообще, эти две ветви чингизидов смертельно соперничали за гегемонию над странами, на которые распалась Золотая Орда. И тут — такой решительный удар. Ко всему прочему, **Ахмат косвенно покусился еще на авторитет султана, который только что завоевал генуэзские колонии в Крыму и принял под свое официальное покровительство Гиреев.**

Правда, уже через год незадачливого Джанибека самого изгнали из Крыма, а в борьбе за трон схлестнулись родные братья Нур-Даулет и Менгли-Гирей. Но поражение ахматова ставленника стало возможным лишь в силу занятости хана иными делами и в другом месте. В конце 1470-х он возглавил коалицию, нанесшую решительное поражение узбеку Шейх-Хайдеру. Одним из следствий этой победы стало подчинение Ахмату другого его племянника, Касыма, одно время самостоятельно правившего в Астрахани (Хаджи-Тархани). Так что низовья и среднее течение Волги к 1480 году вновь объединились под одной рукой. Армия его заметно выросла численно и была обласкана неизменной военной удачей. **В те времена такой букет «активов» дорогого стоил.**

Русская артиллерия впервые успешно использовалась в полевых боях в октябре 1480 года. Пушки XVI века

К тому же **судьба, как уже упоминалось, послала хану мощного союзника**: в 1479 году его посол вернулся из Литвы с личным представителем Казимира и с предложением совместных военных действий. Их предполагалось открыть на рубеже весны и лета 1480-го. А вскоре случилась еще одна радость, которую поторопился передать Ахмату новый друг где-то в марте-апреле: братья Ивана III «из земли вышли со всеми силами», **отложились от старшего в семье**. При таком раскладе могли ли возникнуть у Ахмата сомнения в легком триумфе? К тому же «неверный улусник» Иван окончательно «обнаглел»: перестал в срок и полностью уплачивать дань.

Источники ничего не сообщают нам о том, как «процедурно» и когда именно оформил русский князь ликвидацию экономической и государственной зависимости от Орды. Не исключено, что особых церемоний и не было. Последний посол Ахмата побывал в Москве летом 1476 года и в сентябре отправился назад с московским послом. Скорее, всего Иван III прекратил платить «выход» в 1478-м. А сам сюжет, связанный с разрывом вассальных отношений, породил по крайней мере два знаменитых исторических мифа. Первый принадлежит перу барона Сигизмунда Герберштейна, посла Священной Римской империи в России в 1520-х годах. Он писал — почти наверняка со слов Юрия Траханиота, казначея Василия III и сына знатного грека, приехавшего на Русь вместе с Софьей Палеолог, которую, собственно, и прославляет этот сюжет. Якобы императорская племянница чуть ли не ежедневно порицала мужа за участие в унижительных церемониях встреч ордынских послов и уговорила его сказаться больным (между тем представить властного Ивана терпеливо выслушивающим укоризны жены, какими бы справедливыми они ему ни казались, невозможно). Второй «подвиг» Софьи заключался в разрушении дома для ордынских послов в Кремле. Здесь она якобы проявила хитрость: в письме «к царице татар» сослалась на видение, согласно которому должна была построить на этом месте церковь, и просила отдать ей двор, подкрепив прошение дарами. Пообещала княгиня, естественно, и предоставить послам другое помещение.

Место под храм она получила, церковь воздвигла, а своего обещания — не сдержала... Все это, конечно, свидетельство незнания Герберштейном распорядка жизни в великокняжеской семье, да и простых фактов! Какой царице писала Софья? Как все это могло случиться без ведома Ивана? И стоит ли при всем том забывать, что представительница династии Палеологов была прежде всего занята главным своим делом — едва ли не ежегодно рожать мужу детей?..

Иван III разрывает ханскую грамоту

Второй миф моложе (последней четверти XVI века), красочнее и еще фантастичнее. Софья забыта, на авансцене — Иван III. Автор «Казанской истории» в двух небольших главах живописует подвиги державного князя в завоевании Новгорода, а затем отдает ему должное в ордынском вопросе. Вот ханские послы, прибывшие с таинственной «парсуною базмою», просят дани и оброков «за прошлыя лета». Иван же, «ни мало убося страха царева», берет «базму парсуну лица его» (кто бы знал точно, что это такое!), плюет на нее,

затем «ломает», бросает на землю и топчет ногами. Визитеров же велит казнить — всех, кроме одного. Помилованный должен рассказать о случившемся своему хану, а великий князь станет тем временем готовиться к решительному бою.

Однако вернемся к объективной ситуации в стране в 1479—1480 годах. Попробуем понять, попытались ли русские политики сознательно противопоставить что-либо нараставшей угрозе. Не просто попытались, но и успели кое-что сделать. Выбор был невелик и предсказуем: враждебный курс Орды и Литвы по отношению к Москве не мог кардинально измениться. Иное дело, что конкретные обстоятельства сильно модифицировали его. Вероятность литовской агрессии умерялась сложнейшим переплетением интересов короля и его семьи, враждебной в отношении Литвы «партии» коронной знати, разных группировок литовских магнатов. Однако эти благоприятные для России сложности не отменяли необходимости оставаться начеку. Правительство Ивана и оставалось: **небольшой победоносный набег на Казань в 1478 году укрепил правящие круги Казанского ханства в решении соблюдать лояльность по отношению к Москве.** Велся также активный поиск собственных потенциальных союзников. В конце 1470-х завязались контакты с молдавским господарем Стефаном Великим. Сближение на антилитовской почве напрашивалось, к тому же оно подкреплялось перспективой брака князя-наследника Ивана Ивановича Молодого с дочерью Стефана, Еленой. Впрочем, к 1480 году все эти перспективы оставались только перспективами. Удачнее сложились дела с Крымским ханством. Первые переговоры с Менгли-Гиреем состоялись еще в 1474 году, и уже тогда речь зашла о полноценном союзном договоре, но хан все же не был готов открыто назвать Казимира своим врагом (сказывалась инерция почти сорокалетних плотных связей с Великим княжеством Литовским). Затем, как мы уже знаем, **Гиреев свергли, но им удалось вернуть власть, и осенью 1479**

года в Москве после долгой дипломатической игры брата Крымского хана, Нур-Даулет и Айдар, оказались в России то ли в статусе почетных гостей, то ли на положении своеобразных заложников. Так в руках дипломатов Ивана III появился мощный рычаг давления на Бахчисарай. В апреле 1480 года русский посол уже вез в Крым четкий текст договора с поименно обозначенными «недругами» — Ахматом и Казимиром. Летом Гирей поклялся соблюдать договор, положив начало стратегической коалиции, просуществовавшей 30 лет и давшей в итоге щедрые результаты обеим сторонам. Впрочем, ордынцы уже надвигались на Русь, и использовать добрые отношения с крымцами в противостоянии с ними не удалось. Пришлось Москве отражать военную угрозу самостоятельно.

Ахматово царство

Точной даты рождения Большой Орды или «Тахт Эли» («Престольной державы»), самого большого государственного образования из сформировавшихся в ходе распада Золотой Орды, не существует. В летописных сводах XV века это название упоминается при описании событий 1460 года, когда хан Большой Орды Махмуд простоял «безцельно» под стенами Переяславля-Рязанского, а в Никоновской летописи Большая Орда упоминается еще раньше: под 1440 годом, при описании очередной уособицы в племени рода Джучи. С небольшой долей условности можно сказать, что «три дочери матери Золотой Орды»: Большая Орда, Крымское и Казанское ханства — появились на свет во второй половине 1430-х — середине 1440-х годов. В 1437-м хан Кичи (Кучук)-Мухаммед побеждает и вытесняет из Дешт-и-Кипчака хана Улуг-Мухаммеда. Последний после быстротечного набега на Москву в 1439 году уходит на восток и к 1445 году становится первым Казанским ханом. Вскоре после 1437 года Кичи-Мухаммед удаляет из Крыма внука Тохтамыша, хана Сеид-Ахмеда, ушедшего в кочевья к югозападу от Нижнего Днепра. Но и Кичи-Мухаммеду не удалось закрепиться в Крыму — в 1443 году с помощью Великого княжества Литовского во главе Крымского ханства становится Хаджи-Гирей, еще ранее пытавшийся отделиться от Орды. **Большая Орда, ханы которой осуществляли юрисдикцию над княжествами Северо-Восточной Руси, просуществовала чуть более 50 лет.** Всего лишь один ее правитель совершил походы в Среднюю Азию, Крым, против Московского княжества, послал дипломатов в Стамбул, Венецию, Краков, Вильно, Москву. Речь идет об **Ахмете (Ахмате русских летописей)**. В 1465 году он сменил на троне старшего брата Махмуда. В 1470-е годы ему удалось сконцентрировать под своей властью большинство племен Великой Степи вплоть до Заволжья (в том числе часть ногаев). При нем Большая Орда занимала максимальную территорию, а границы ненадолго стали устойчивыми. На севере Орда граничила с Казанским ханством, на юге ей принадлежали равнинные пространства Северного Кавказа, степные просторы от Волги до Дона и от Дона до Днепра (временами и его нижнее правобережье). **Неудача нашествия 1480 года оказалась для Ахмета смертельной:** зимой 1481 года он был убит во время внезапного нападения на его ставку Сибирского хана Ибака и ногайских мурз, а его имущество и добыча достались победителям. После этого Большая Орда уже не могла возродить былого могущества. В 1502 году Крымский хан Менгли-Гирей нанес жесточайшее поражение Ших-Ахмеду, последнему ее повелителю.

«Нашествие иноплеменных»

Официальный летописец отнес начало Ахматова похода к весне 1480 года, а по косвенным указаниям вычисляется апрель. Впрочем, для тех дальних времен движение отдельных войсковых отрядов по разным маршрутам определить затруднительно. Перекочевка из Заволжья, скажем, могла осложниться поздним вскрытием Волги. Как бы то ни было, **русская стража в Диком Поле сработала хорошо, о начале военных действий в Москве узнали вовремя**, что было важно в двух отношениях: **для быстрой мобилизации всех ресурсов и правильного движения своих войск**. Передвижение ордынских отрядов к низовьям Дона означало, что первые удары придутся на крепости в среднем течении Оки — от Тарусы до Коломны.

Вообще, кампанию 1480 года обычно сводят к октябрьским событиям на Угре. Но это неверно — как же тогда быть со странным перечислением пунктов перемещения ордынского войска в большинстве летописей? Почему в одном ряду с Мценском, Одоевом и Воротынском (эти города фиксируют движение с юго-востока на северо-запад) оказался Любутск, никак не вписывающийся в маршрут? Чьи отряды захватили и опустошили волость Беспуту на одноименной тульской речке? Наконец, зачем великий князь распорядился «зжечь» и «городок Кошру» (Каширу, гораздо восточнее Угры)? Стоит только признать некоторые очевидные факты, и недоумение исчезает. **Очевидно, дожидаясь союзника с войсками, Ахмат не стоял без дела**: его передовые отряды прощупывали русские силы по берегам Оки, попутно занимаясь грабежом и захватом живой добычи. Одним из таких рейдов и явился захват Беспуты. Сигнал в Москве восприняли верно. Срочно на Берег (то есть в города-крепости левобережья Оки) отправились первые воеводы, чуть позже в Тарусу (свой удельный город) выступил князь Андрей Меньшой, верный Ивану младший брат, самые же крупные отряды во главе «со многими воеводами» повел в Серпухов Иван Иванович Молодой. Произошло это 8 июня. Хан же не торопился.

Медленное продвижение ордынцев в те дни объяснимо. **Первая и поначалу главная причина** — необходимость после суровой зимы подкормить лошадей на свежей траве. Следующая — необходимость «прощупать» силы и дислокацию москвитян, найти их слабые места. И, наконец, постепенно выходящее на первый план и уже нетерпеливое ожидание Казимира с армией. Русские воеводы, конечно, тоже нуждались в свежей информации о маневрах противника — она и заставила Ивана принять решение: с главными силами в июле отправиться в Коломну, «наискосок» от ордынского движения, чтобы до поры до времени между основными армиями установилось стабильное удаленное противостояние, перемежаемое лишь стычками передовых отрядов.

Имело место и еще одно новое обстоятельство, потребовавшее немалых организационных усилий: впервые в истории русские шли на войну с полевой артиллерией. Стало быть, в походе участвовали специальные группы лиц, отвечавших за транспортировку тяжелых пушек и пищалей. Значит, менялись и

критерии для выбора места сражения при обороне водного рубежа — теперь надо было учитывать возможности артиллерии.

С течением времени напряжение в ставках противников нарастало, и, видимо, в середине сентября хан решил переместиться на левый берег верхней Оки. Этим он хотел добиться двух целей: вплотную приблизившись к тогдашней литовской территории, быстро и окончательно прояснить вопрос о союзнической подмоге и главное — найти с помощью местных жителей дорогу для скрытого обхода московских войск. Именно тогда ордынцы и появились под Любутском, прощупывая в очередной раз оборону русской армии. Вероятно, Ахмат к тому времени уже догадывался об ответе на один из своих вопросов: литовцы не явятся.

Русское командование **быстро** узнало о перемещении ордынцев на север и оценило риск их прорыва через Угру. Где-то в середине двадцатых чисел сентября Иван приказал перевести почти все наличные силы во главе с Иваном Молодым, князем Дмитрием Холмским (выдающимся воеводой того времени) и Андреем Меньшим на левый берег маленькой речки, а сам 30 сентября появился в Москве.

Совет в Москве, сражение — на Угре

По сообщениям летописей, Иван III прибыл в Москву на совет с матерью, иерархами и остававшимися в столице боярами 30 сентября. Ждали его и послы от братьев. Вчерашние мятежники, не сумевшие договориться с псковичами об обороне Пскова от Ливонского ордена, в ситуации грозного нашествия почли за благо примкнуть к старшему в роду в обмен за земельные придачи. Прекращение конфликта сладилось быстро, и ближайшие родичи державного поспешили к Угре со своими отрядами.

Куда труднее дело сложилось с простыми горожанами. Эти восприняли внезапный приезд Ивана III как проявление страха перед ордынцами, а меры по подготовке города к осаде — как признак скорого подхода Ахмата. От собравшейся толпы москвичей в адрес великого князя летели упреки и обвинения, а архиепископ Вассиан, публично обвинив своего духовного сына в трусливом бегстве, предложил спасти положение, самому возглавив рати.

Страсти так накалились, что Иван предпочел уехать в Красное Село. Подобная реакция была спровоцирована позицией ряда близких Ивану III лиц, полагавших военное счастье переменчивым и предлагавших «не биться с государем» (Ахматом), а найти не слишком обременительные для Руси формы зависимости в переговорах. Но такой подход шел вразрез с патриотическим подъемом в Москве, ярко выразившимся в словах Вассиана. В итоге общий совет из всех находившихся в городе авторитетных духовных и светских лиц рекомендовал князю **продолжить противостояние**, усилив армию на Угре подкреплениями и главное — личным присутствием. И вот уже великий князь с новыми отрядами направляется к Кременску. **Наступала последняя фаза противостояния.** Еще 3 октября главные русские силы завершили передислокацию и заняли позиции на протяжении 50—60 километров по левому берегу Угры. У них было еще 3—4 дня для подготовки к бою. Угра заметно уже

Оки, течение ее быстро, а в ряде мест русло зажато обрывистыми склонами. Ордынцам было труднее развернуть тут многочисленную конницу, но если к кромке воды одновременно выходили несколько отрядов, сама переправа через водный рубеж не должна была надолго задержать войска. Впрочем, теоретические выкладки перестали быть актуальными 8 октября, когда ордынцы пошли в общее наступление, с тем чтобы, форсировав реку, навязать русским решающий бой. Описания этого маневра в летописях необычайно скупы, что вполне объяснимо: в октябрьские дни 1480 года на Угре историографов не было, так что записи велись со слов участников той сечи — много лет спустя.

Однако отмечается, во-первых, точность стрельбы из пушек и луков русскими и... полный провал хваленых ордынских лучников. Скорее всего, артиллерия произвела еще и большой психологический эффект. Вторая примета сражения — необычайная длительность: только первая его фаза продолжалась четыре дня, причем на нескольких участках одновременно. Третья особенность — удачная, как выяснилось, диспозиция русских, у которых было время ее продумать. Оттеснить от реки москвитян, прорвать их фронт, обратить в бегство Ахмату не удалось, и после 11 октября он вынужденно прекратил наступление. Через некоторое время была, правда, предпринята последняя попытка прорваться на левый берег реки под Опаковом, но и эта стычка завершилась для ордынцев неудачно. В эти же дни Иван III пришел в Кременск, отправив приведенные подкрепления к Угре. Отныне неуклонно у одной из противоборствовавших сторон крепло ощущение близкой победы (в середине двадцатых чисел в Кременск прибыли еще и Ивановы братья с войсками). **Другая же сторона падала духом и страдала от непривычно долгого ведения военных действий на чужой земле в условиях грядущей зимы.**

На этом фоне начались переговоры. До сих пор не вполне ясно, кто проявил инициативу — скорее всего, все же Московский князь, что немедленно вызвало новый приступ подозрительности и новую полемику в самой Москве. Здесь же, на границе Московского княжества и Литвы (Угра долго служила пограничным рубежом между ними), ситуация выглядела иначе. Поначалу хан, как водится, потребовал по максимуму: личного приезда великого князя и, конечно, большой дани. Последовал отказ. Тогда Ахмат пожелал, чтобы приехал хотя бы сын и соправитель Ивана III, Иван Молодой, но и это «пожелание» не исполнилось. Ахмат попробовал в свою очередь «пригрозить» скорой зимой, когда «реки все станут, ино много дорог будеть на Русь». И правда: 26 октября река стала покрываться льдом, и русские отряды по приказу великого князя организованно отошли к Боровску. Так казалось целесообразнее: по мнению державного князя и воевод, именно на тех полях было выгоднее дать генеральное сражение в условиях холодов. В столице же опять-таки поползли слухи о бегстве. Видимо, именно тогда и возникло народное представление, отразившееся потом в летописных сводах — о двух армиях, бегущих друг от друга и никем не гонимых.

Вряд ли «бежали» и отряды Ахмата: они ушли с Угры 11 ноября «по королеве державе, воюа его землю за измену, и грады его и погосты повоева, а люди в плен поведоша безчисленное множество, а иных иссекоша». Не дождавшись помощи Казимира, Ахмат разграбил территории в верховьях Оки

(Одоев, Белев, Мценск). Не добрались до Ивана — хоть вероломному союзнику отомстили... Так завершилось «стояние на Угре», которое вряд ли относилось к разряду «стояний».

Русь от Непрядвы до Угры

Победа Дмитрия Донского над правителем правого крыла Золотой Орды Мамаем на Куликовом поле в 1380 году не подвела черту под полуторавековой зависимостью Северо-Восточной Руси от Орды. Навряд ли и сам князь ставил такую цель — он бился, «не щадя живота своего», с «незаконным повелителем», грозившим его стране «всеконечным разорением». Исторический смысл победы сказался в другом: после Непрядвы стало ясным то, что центром борьбы за независимость от Орды после 1380 года могла быть только Москва. А пока после опустошительного похода «законного царя», хана Тохтамыша, в 1382 году, когда разорению подверглись многие города Московского княжества, включая столицу, платежи в Орду увеличились и возродились полузабытые формы зависимости. При этом сам Тохтамыш передал территорию Владимирского великого княжения (ненаследуемый стол) в «вотчину» великого князя Московского, что означало отказ сарайских властителей от традиционной для XIII—XIV веков практики стравливания Рюриковичей в борьбе за стол во Владимире. **Сокрушительные удары Тохтамышу нанес Тимур в 1391 и 1395 годах**, когда войска последнего в течение нескольких месяцев «утюжили» самые развитые районы Орды. Казалось, благодаря им Русь быстро освободится от власти «золотоордынских царей». Казалось, Орда экономически уже не оправится от учиненного погрома, усобицы потомков хана Джучи довершат работу, начатую Тимуром... Но кочевнические государства удивительно быстро регенерировали военный потенциал (а он был велик), в то же время наличие соперничающих ордынских группировок только усиливало опасность новых походов на Русь. В 1430—1450-е годы дань платили порой двум ханам, а иногда по объективным причинам (отсутствие «узаконенной» подчиненности тому или другому хану) ее не выплачивали. Так постепенно складывалось понимание ее необязательности. Более четверти века две линии династии московских Рюриковичей были заняты смертельной борьбой за главный стол (1425—1453), к ней подключились все московские князья, почти все княжения и государства Северо-Восточной Руси, ордынские правители. Победа великого князя Василия II Васильевича Темного, вышедшего из усобицы ослепленным, привели к консолидации в масштабах страны. Важно и то, что князья приучались видеть в ханах не только источник своей власти и олицетворение зависимости, но и правителей-соперников в международной сфере и на поле брани. **Богатый опыт военного противостояния Орде воспитал два поколения русских воинов, которым стало «за обычай» противостоять ордынским отрядам.** Сражаться с ними в пограничных зонах (1437, зима 1444—1445 годов), отбивать наступления на левом берегу среднего течения Оки (1450, 1455, 1459 годы) или «сядась в осаду» в Москве (1439, 1451 годы). Случались поражения, притом болезненные: в июле 1445 года в плен попал Василий II. Но в возможность военной победы над Ордой уже верили. Иван III Васильевич был последним великим князем, получившим санкцию на княжение в Орде, и первым сбросившим власть хана. **А общество оказалось готовым к решительной схватке**, «незаконными» были уже не временщики-правители, ими стали сами ханы-чингизиды. Их власть над православным государем отныне стала незаконной, нетерпимой. Так протянулась нить одной судьбы, одной великой задачи — от Непрядвы до Угры.

Сладкий вкус победы

Распустив в Боровске по домам главные силы, в конце ноября 1480 года великий князь с сыном, братьями, воеводами и двором вернулся в столицу. Последовали

молебны и церемонии, впрочем, не особенно помпезные — наступил Рождественский пост. Значимость случившегося осознавали многие: слышались даже предупреждения «добрым и мужественным» от «безумия несмысленных», те ведь «похвалялись», что именно они «своим оружием избавим Рускою землю» — **смиренному христианину так думать не полагалось.**

Значит, настолько высоко поднялось чувство собственного достоинства, гордости за сопричастность великой победе. Отгремели пиры, получили обещанные придачи брата державного князя — Андрей Большой и Борис. Особые же радости выпали Ивану III: к весне пришла весть, что Ахмат убит, а в октябре 1481-го супруга подарила ему третьего сына, Дмитрия. Но были и следствия, отозвавшиеся через несколько лет, а порой — через десятилетия.

Что осталось за спинами победителей 1480 года? Почти 250 лет зависимости — когда тяжелейшей, когда более умеренной. В любом случае ордынские нашествия и огромные оброки повлияли на развитие средневекового города в Северо-Восточной Руси, изменив вектор социально-политической эволюции общества, ведь горожан как экономической и политической силы стране XIV—XVI веков явно не хватало. Пострадало и земледелие, надолго сдвинутое в защищенные лесом и реками земли с малоплодородными почвами, затормозилось становление вотчин-сеньорий. Лишь с середины — второй половины XIV века оживает служилое боярство: в XIII — начале XIV века этот элитный слой многократно сократился из-за смертей на поле боя или крайне суровых условий жизни. **Господство Орды не просто затормозило — отбросило назад поступательное развитие страны.**

После 1480 года ситуация разительно изменилась. Конечно, отношения с Римом, Венецией, Тевтонским орденом завязались еще в 1460—1470-е годы, но теперь Россия вступает в плотный дипломатический диалог почти с двумя десятками государств — старых и новых партнеров, и среди них многие были готовы «дружить против» Ягеллонов (прежде всего Казимира) и притом признать «законность» претензий Москвы на Киев и земли «православных русских» в Литве, а также принять титулы московского государя. А эти титулы, использовавшиеся московскими дипломатами, фиксировали равенство Ивана III по статусу с ведущими монархами Европы, включая императора, **что означало признание суверенитета России в привычных тогда международных формах.**

Существовали и практические следствия: две русско-литовские войны в конце XV — начале XVI века более чем на четверть уменьшили территорию Литвы и раздвинули границы России. Не менее весомый результат принесла и восточная политика — с 1487 года в течение почти 20 лет московский государь «сажал из своей руки» ханов на трон в Казани. Окончательно подчинилась Вятка, и на исходе столетия прошел первый «московский» поход за Урал. Как бы между делом в 1485 году в состав государства вошло Великое княжество Тверское (его князь бежал в Литву). Под полным политическим и военным контролем Москвы находились Псков и Рязанское княжество. Последняя треть XV века — время экономического подъема страны, эпоха становления суверенного Российского

государства: в феврале 1498 года по решению Ивана III на «великие княжения» (Московское, Владимирское и Новгородское) **был венчан в качестве его соправителя и наследника Дмитрий-внук**, сын умершего в 1490 году великого князя Ивана Молодого.

С тех пор верховная власть передавалась по наследству и единственным источником ее легитимности являлся правящий монарх. Истоки России как государства, уходящего из Средневековья в раннее Новое время, лежат в стране, обретшей себя после событий 1480 года.

Оборона Москвы от войск Тохтамыша. В августе 1382 года ордынцы взяли и разграбили город, погибли 24 тысячи человек

Можно порадоваться и прямым плодам победы. В 1382 году, после Куликовской битвы, Москва была разорена и сожжена, в кремлевских храмах сгорели сотни книг, а погибших москвичей хоронили в общих «скуделицах». **В 1485 году началась фундаментальная перестройка всего Кремля.** Всего за двадцать с небольшим лет бывший белокаменный средневековый замок превратился в резиденцию монарха могучего государства с мощными укреплениями, полным набором дворцовых каменных зданий, центральных учреждений, кафедральных и придворных соборов. Эта грандиозная стройка, потребовавшая больших расходов, осуществилась во многом благодаря победе на Угре, после которой Россия окончательно освободилась от выплаты дани. А если добавить могучий подъем искусств, культуры в целом, пришедшийся на конец XV века, вывод однозначен: исторические следствия победы на Угре шире, многообразнее и фундаментальнее победы на Непрядве.

Владислав Назаров